

УДК 947.084.2

РЕПРЕССИИ «ПО ЗАКОНУ»: ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

Е.Ф.КРИНКО

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону
krinko@mail.ru

В статье рассматривается проблема лишения советских граждан избирательных прав в 1920-1930-х гг. Отмечается, что лишение избирательных прав стало одной из важнейших мер советской политики, направленной на кардинальную трансформацию общества.

Ключевые слова: политические репрессии, избирательные права, советская власть

E.F.KRINKO. REPRISALS "UNDER THE LAW": DEPRIVATION OF THE SOVIET CITIZENS OF ELECTORAL RIGHTS

The problem of deprivation of the Soviet citizens of electoral rights in 1920-1930-s is considered. It is noticed that deprivation of electoral rights became one of the major measures of the Soviet policy directed at cardinal transformation of society.

Key words: political reprisals, electoral rights, the Soviet power

В последние десятилетия теме политических репрессий в СССР уделяется существенное место в отечественной историографии. При этом исследователи прежде всего обращаются к «Большому террору» и политическим процессам 1930–1950-х гг., созданию и функционированию системы ГУЛАГа. Между тем, советское государство использовало широкий комплекс мер социально-правовой дискриминации отдельных категорий населения. К их числу относится и лишение части граждан избирательных прав, сравнительно недавно привлекшее внимание историков [1–3].

Советы как органы власти с самого начала имели определенный классовый характер, представляя интересы не всего общества, а социальных низов. В Конституции РСФСР 1918 г. утверждалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству». При этом юридически закреплялось неравенство среди самих трудящихся: голос одного городского рабочего приравнивался к голосам пяти крестьян. К выборам допускались и другие категории граждан, «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом», а также домохозяйки. Все еще сохранявшиеся надежды на мировую революцию выразились в том, что избирательными правами наделялись и иностранные граждане, от-

носящиеся к категории трудящихся. В то же время не могли избирать и быть избранными лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий и т.п.), торговцы, монахи и священники, бывшие полицейские, жандармы, члены царской семьи, душевнобольные, находившиеся под опекой и осужденные за корыстные и порочащие преступления [4]. Практически без изменений указанные положения повторялись в конституциях СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г.

Порядок проведения выборов и состав лиц, лишавшихся избирательных прав, регламентировали специальные подзаконные акты, требования которых менялись в зависимости от поворотов в политике руководства страны. Так, в условиях стабилизации обстановки в стране 13 октября 1925 г. была принята Инструкция ВЦИК о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. В ней подчеркивалось, что не должны лишаться избирательных прав лица, применявшие наемный труд в сельском хозяйстве, если это не влекло за собой его расширения за рамки трудового. Основным признаком трудового хозяйства считался подсобный характер наемного труда и обязательное участие в работе его трудоспособных членов. Не отстранялись от выборов кустари и ремесленники, владельцы и арендаторы мельниц, сложной сельскохозяйственной техники при условии нали-

чия в хозяйстве одного наемного работника или двух подмастерьев (учеников), если они лично участвовали в работе.

Напротив, новая инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов, утвержденная Декретом ВЦИК от 4 ноября 1926 г., значительно расширила круг лишенцев. В их число попали лица, «закабалывшие окружающее население» путем систематического предоставления в пользование сельскохозяйственных машин, скота или предоставлявшие кредит «на кабальных условиях», бывшие офицеры и военные чиновники белых армий. Избирательных прав лишались земледельцы и владельцы предприятий (мельниц, маслобоен и других), а также ремесленники и кустари, применявшие наемный труд не только постоянно, но и временно, «в таком объеме, который расширял их хозяйство за пределы трудового» [5]. Местные избирательные комиссии по-своему интерпретировали правовые нормы, нередко включая в списки лиц, лишенных избирательных прав всех, кто казался им «классовым врагом».

На Дону с целью изучения результатов применения новой инструкции ВЦИК в конце 1926 г. проводилась проверка инструктором организационного отдела Донского областного исполкома Учакиным в двух специально намеченных сельсоветах Приазовья – Кагальницком и Высочинском [6]. Составленная по ее итогам докладная записка является ценным свидетельством лишения избирательных прав трудящихся, от лица которых и выступало большевистское руководство.

В Кагальницком сельсовете насчитывалось 2 тыс. 524 хозяйств и 12 тыс. 594 жителей, среди которых преобладали крестьяне и казаки, значительную часть составляли также кустари и ремесленники. На занятия населения существенно влияли два фактора: с одной стороны, малоземелье, крестьянский надел составлял чуть более 0,5 десятин на человека, с другой стороны, близость Азовского моря, Дона и его притоков, богатых рыбой, а также Ростова-на-Дону как промышленного центра. Основная масса хозяйств – 1 629 (64,5 %) – с 8 264 жителями (65,6 %) занималась земледелием. При этом, исходя из площади обрабатываемой земли, 68 % хозяйств попадали в категорию середняцких, но и они жили не только за счет земледелия, но и побочных доходов от рыболовства и других занятий. Лишь 33 % хозяйств обрабатывали свои наделы собственным скотом. Если даже прибавить хозяев, имевших одну лошадь и, в большинстве случаев, работавших в «скопщину», совместно, то обеспечено скотом оказывалось 55 % хозяйств. Нехватка рабочего скота не позволяла расширить посевные площади, и часть населения занималась ремеслами, торговлей и рыболовством. Отдельные крестьяне возвращали полученный земельный надел обратно, не имея возможности обрабатывать его из-за отсутствия тягловой силы.

Многосемейность хозяйств и небольшой размер посевов препятствовали широкому применению наемно-батрацкого труда. Свою роль также играла «супруга» как одна из традиционных форм крестьянской трудовой кооперации, заключавшаяся

в соединении рабочей силы, скота и инвентаря ряда хозяйств для совместного выполнения отдельных работ. Указав на неполноту предоставленных ему данных, проверяющий, тем не менее, сделал вывод о незначительности применения наемного труда. Постоянно он применялся только в 13 хозяйствах (от одного до трех батраков в каждом) и, не только в хозяйствах, обеспеченных рабочим скотом и посевной площадью, но и в хозяйствах малопосевных, имевших трудоемкие культуры посева, для обработки которых собственных рабочих рук не хватало. Тягловая сила, имевшаяся у середняков, нередко использовалась в других хозяйствах на условиях «трудообмена» или за плату. Временно, в период уборки урожая, сенокоса, прополки подсолнуха, кукурузы, картофеля, наемный труд применялся не менее чем в 30 % хозяйств, при этом, по словам проверяющего, «условия этого найма маскируются различными способами – родством, трудообменом, частичной помощью и т.п., поэтому учет такого наемного труда чрезвычайно усложняется». Около 12 % хозяйств с Кагальник, помимо наделенной земли, пользовались арендованной, из них 102 хозяйства (около 6,3 %) арендовали более 1 десятины. Все это свидетельствовало о том, что Кагальницкий сельсовет относился к «местностям, населенным близкими к середнякам слоями крестьянства», а вовсе не к тем, где бы широко применялась аренда земли зажиточным крестьянством у бедняков.

Хозяйств ремесленников в Кагальницком сельсовете насчитывалось 478, при этом только 149 из них использовали труд учеников, подмастерьев и мастеров, и лишь в четырех это являлось обязательным условием производства. Шесть хозяйств имели подмастерьев и мастеров, остальные – от одного до трех учеников, общее количество которых составляло 193 чел.

Применение новой инструкции ВЦИК привело к значительному увеличению численности лиц, подлежавших лишению избирательных прав. В избирательную кампанию 1925/26 гг. в Кагальницком сельсовете насчитывалось 5 960 чел., достигших избирательного возраста. Из них было лишено избирательных прав 57 торговцев, 12 священников, 1 чел., находившийся под опекой, 1 осужденный с лишением избирательных прав, 3 офицера, всего 74 чел. или 1 % от общего количества избирателей. В избирательную кампанию 1926 г. под действие инструкции попало уже 683 чел. или 10,2 % от общего количества избирателей. Численность лишенцев выросла на 609 чел. или в 9,2 раза. Основную массу новых лишенцев составили кустари и ремесленники, использовавшие труд учеников и подмастерьев – 145 хозяйств с 414 чел. (60,6 %). Затем шли торговцы – 62 хозяйства с 155 чел. (22,7 %), лица, использовавшие наемный труд в обработке земли – 13 хозяйств с 38 чел. (6 %), священники – 9 хозяйств с 18 чел. (3 %) и различные категории «бывших» – бывшие волостные старшины, торговцы, полицейские и т.п. – 16 хозяйств с 48 чел. или около 7 %.

Высочинский сельсовет включал 539 хозяйств, в которых проживало 2 697 чел. В отличие от Кагальника, здесь значительно преобладали

крестьянские земледельческие хозяйства, их насчитывалось 523 (97 %) с 2 628 чел. (97,4 %). В Высочинском сельсовете также сказывалось малоземелье, но середняки составляли 80,4 % хозяйств. 40 % хозяйств были способны собственным скотом обрабатывать надельные земли, а в совокупности с 28 % однолошадных крестьян скотом было обеспечено 68 % хозяйств. Постоянно наемный труд применялся в 15 хозяйствах, временно, в период уборки урожая или покоса трав – в 19, в основном в 16 хозяйствах, имевших 10 и более десятин. 12 хозяйств перерабатывали молоко на сепараторах за соответствующую плату, что подходило под определение «систематического предоставления инвентаря в пользование окружающему населению». Однако, по оценке проверяющего, это не имело «кабального характера», что не позволяло ставить вопрос о включении этих хозяйств в состав подлежащих ограничению в избирательных правах.

В докладной записке отмечалось, что составление списков лишенных избирательных прав было произведено «чрезвычайно не точно». Поэтому «многие лица, должные по занимаемому положению попасть в списки, в таковые не попали». В предыдущих выборах было лишено избирательных прав 5 чел., включая 2 священников и 3 чел., находившихся под опекой или 0,4 % от общего количества избирателей. В кампанию 1926 г. под действие новой инструкции подпадали 15 хозяйств, применявших наемный труд как основной (40 чел.), 4 хозяйства, имевшие паровые молотилки (16 чел.), 2 хозяйства священнослужителей (8 чел.), 2 хозяйства, временно занимавшиеся торговлей мясом (4 чел.), 3 душевнобольных и лиц, состоявших под опекой. Всего отстранялось от участия в выборах 24 хозяйства с 74 чел. или 5,3 % от общего количества избирателей. Увеличение произошло по сравнению с прошлым годом примерно в 15 раз. В Высочинском сельсовете, как и Кагальницком, практиковалась дача средств взаимности, но учесть таких лиц не представлялось возможным.

В целом, докладная записка отражает стремление проверяющего отнестись к реализации новой инструкции по «всей строгости закона». Учакин несколько раз подчеркивает необходимость более тщательного учета лиц, использовавших наемный труд и дававших займы «на кабальных процентах». Он отмечает, что обучение ремеслам в Кагальнике – «обычное явление, и применяется оно во многих случаях не в целях извлечения прибыли, а чаще в целях добрососедского уважения – научить сына или дочь соседа, родственника или знакомого ремеслу, однако, это не исключает наличия ряда фактов, где ученичество практикуется как добавочный труд». В то же время инструктора облисполкома волнует то, что увеличение численности лишенцев могло отрицательно отразиться на настроении ремесленников, «особенно если принять во внимание то обстоятельство, что до 29 % из них служило в рядах Красной Армии». Более того, согласно новой инструкции в Кагальницком сельсовете подлежали лишению избирательных прав 10 членов прежнего состава сельсовета, из которых 8 являлись ремесленниками, а в Высочинском сельсовете – 2 чел.

Действительно, по установленным инструкцией критериям можно было лишить избирательных прав почти все крестьянское население. За применение «наемного труда» в число «лишенцев» попал, например, крестьянин дер. Мушино Удомельской волости Тверской области М.М. Марков, писавший: «Мне... ставят в вину, что у меня были плотники при производстве надворных построек. В деревне нет такого крестьянина, который не пользовался бы наемным трудом при ведении построек. Строить дом или двор одному невозможно». 73-летний житель дер. Брусово той же волости А.А. Соловьев был лишен избирательных прав за то, что вместе с братом приобрел патент и торговал лесом, хотя за него ходатайствовало 40 односельчан. В своем обращении они писали, что Соловьев в молодости батрачил, предприятий не имел, жил всегда небогато. В 1926 г. у него сгорел дом, пала корова «и старик обнищал, живя только огородом, имея болезнь рака, в результате чего у него удалена нижняя челюсть, и получает питание только молочное через искусственный аппарат» [7].

Лишение избирательных прав советских граждан предусматривалось и в качестве меры уголовного наказания. Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 г., поражение политических и отдельных гражданских прав могло назначаться осужденному как полностью, по всей совокупности прав, так и по отдельным их категориям, среди которых закреплялось и непосредственно лишение активного и пассивного избирательного права. Суд рассматривал вопрос о поражении прав осужденного при вынесении приговора о лишении свободы на срок свыше года. Поражение в правах назначалось в качестве и самостоятельной, и дополнительной меры социальной защиты. В то же время она не могла соединяться с условным осуждением и общественным порицанием и назначаться на срок свыше пяти лет. В случае назначения рассматриваемой меры в качестве дополнительной к лишению свободы, поражение прав распространялось на все время отбытия заключения и сверх того на срок, определенный приговором. При досрочном освобождении в силу амнистии или помилования срок поражения в правах исчислялся со дня освобождения от лишения свободы [8].

Численность лишенцев в Советской России постоянно росла. В 1924 г. в РСФСР их насчитывалось 700 тыс. чел. или около 1,6 % от общей численности избирателей. В 1926 г. – 4,5 % избирателей, в 1927 г. – 7,7 % (в сельской местности, соответственно, 1,1 и 3,3 %) [9]. В городах РСФСР в 1926 г. она составила 219 745 чел. (4,2 %), в 1927 г. – 612 236 (7 %), в 1929 г. – 727 365 (7,2 %), т.е. в абсолютном выражении за три года увеличилась более чем в три раза. В других республиках численность лишенцев, как правило, оказывалась еще выше. В 1929 г. она составила 11,8 % избирателей Украины, 13,7 % – в Узбекистане. В целом же, согласно опубликованным данным, в СССР в 1929 г. были лишены избирательных прав 8,6 % взрослого населения, тогда как в 1927 г. – 7,7 %. Ш. Фицпатрик приводит данные, согласно которым численность лишенцев в РСФСР в 1930 г. составила почти

2,5 млн. чел., и, как минимум, 4 млн. чел. в СССР. Приблизительный характер указываемых цифр, по ее мнению, свидетельствует о том, что власти, скорее всего, и сами точно не знали, сколько человек было лишено избирательных прав [10, с. 295]. Увеличение численности лишенцев было связано не столько с более тщательным их выявлением, сколько с поворотом к административно-волевым методам руководства в связи со сворачиванием нэпа.

Право избирать и быть избранным всегда относилось к числу основных политических прав граждан, обеспечивающих им возможность прямо и непосредственно участвовать в управлении государством. Однако избирателям в Советской России в 1920–1930-е гг. фактически отводилась роль статистов, так как на их рассмотрение представлялся заранее подготовленный безальтернативный кандидат или список, утвержденный партийными органами [11]. В то же время лишение избирательного права отнюдь не являлось простой формальностью, поскольку вместе с ним человек терял и другие права и возможности пользоваться социальными благами. Лиц, лишенных избирательных прав и членов их семей, не принимали в учебные заведения, в партию и комсомол, им было сложно устроиться на работу. Лишенцев не брали в колхозы, они не могли стать членами кооператива, артели, а при налогообложении им полагалось «твердое задание». После введения карточной системы в 1928 г. лишенцы не получили карточек и были вынуждены покупать продукты по коммерческим ценам, их также лишали пенсий и пособий. В 1929–1930 гг. в государственных учреждениях прошли «чистки» с целью удалить из них лишенцев и других «социально-чуждых» лиц. Больницы и суды, жилищные и налоговые ведомства, другие структуры должны были проводить по отношению к ним дискриминационную политику.

Секретное постановление правительства в августе 1930 г. запрещало предоставлять работу лишенцам и другим служащим, потерявшим ее в результате недавних чисток, их предлагалось «отправлять на лесозаготовки, торфоразработки, на уборку снега, и только в такие места, где испытывают острую нехватку рабочей силы». Новой дискриминации подверглись лишенцы и при выдаче паспортов, хотя в правилах, установленных комиссией Политбюро, не говорилось прямо, что лишение избирательных прав само по себе может быть основанием для отказа в выдаче паспорта. Однако местные должностные лица, как правило, автоматически отказывали в выдаче паспортов лишенцам, членам их семей и вообще всем, в ком интуитивно чувствовали «социально-чуждых» [10, с. 145–147].

Немало лишенцев пыталось обжаловать принятые в отношении них меры. Только за первые два месяца 1930 г. от граждан РСФСР поступило 17 тыс. жалоб на необоснованное лишение избирательных прав (за те же месяцы 1926 г. – менее 500). В большинстве из них упор делался не на само лишение прав, а на сопутствующие дискриминационные меры: выселение из квартир, исключение из профсоюзов и учебных заведений, увольнение с работы, обложение специальными налога-

ми, раскулачивание и т.д. Восстановлением в правах занимались различные учреждения: сельские советы, райисполкомы, ЦИК автономных республик, ВЦИК РСФСР. Для этого в них создавались специальные комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев. Были опубликованы письма лишенцев к различным властным структурам, от поселковых и районных избирательных комиссий до обращений к Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинину как главе государства, а также в редакции газет [12].

Однако на практике восстановление в правах, как правило, сопровождалось достаточно унижительными публичными ритуалами. Например, священнослужителям приходилось публично отречься от собственного сана, а то и от веры в Бога. Ради восстановления в правах люди отказывались от членов своей семьи, от собственного прошлого, порой шли на откровенную ложь и подкуп должностных лиц, от которых зависело принятие положительного решения. Пожалуй, одним из немногих «нормальных» способов являлась служба в армии и на флоте, дававшая возможность после демобилизации восстановиться в правах.

Только согласно Конституции СССР 1936 г. все совершеннолетние граждане страны, за исключением умалишенных и осужденных судом с лишением избирательных прав, получили право избирать и быть избранными. Лишение прав как мера социальной и правовой дискриминации была официально отменена, просуществовав 18 лет. На практике же в советских анкетах, заполнявшихся при приеме на работу, и после этого сохранялся пункт: «Были ли вы когда-либо лишены избирательных прав?», позволявший осуществлять дискриминацию в отношении бывших лишенцев и членов их семей.

Таким образом, лишение избирательных прав стало одной из важнейших мер советской политики, направленной на кардинальную трансформацию общества. Отказавшись от прямого террора эпохи Гражданской войны, власть в годы нэпа перешла к иным способам ликвидации социальных групп и слоев, которые она полагала для себя потенциально враждебными. С отказом от нэпа эти меры только усиливались, лишенцы превращались в изгоев, подвергались дальнейшим репрессиям. В то же время документы свидетельствуют о том, что многие лишенцы достаточно лояльно относились к советскому строю, воспринимая произошедшее с ними как результат некоей ошибки и обращаясь с просьбами восстановить справедливость. Они не успели разобрататься с переменами в правящем курсе и быстро к ним приспособиться.

Анализ лишения избирательных прав как правовой нормы и его реализации на практике позволяет понять общий ход, направленность и тенденции в развитии советской репрессивной политики в 1920–1930-х гг. Данная форма репрессий также красноречиво характеризует сам стиль взаимоотношений власти и общества: советским гражданам приходилось самостоятельно догадываться, чего от них ожидают, и искать способы демонстрации всемерной поддержки режима. Впрочем, и в этом слу-

чае они не были полностью застрахованы от таких «неприятностей», как ложный донос или простая ошибка судебно-следственных органов.

Статья подготовлена в рамках проекта «Повседневный мир советского человека: стратегии выживания и механизмы адаптации в условиях социальных трансформаций 1920–1940-х гг.» Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Литература

1. *Социальный портрет* лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996.
2. *Хлынина Т.П.* Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // *Российская история: проблемы, мнения, оценки* (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып. 3. Пятигорск, 2004. С.94–103.
3. *Федорова Н.А.* Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // *Журнал исследований социальной политики*. 2007. Т. 5. № 4. С. 483-496.
4. *Декреты Советской власти*. М., 1959. Т. 2. С. 561-562.
5. *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР*. 1926. № 75. Отд. 1. С. 889.
6. *Докладная записка* заведующему организационным отделом Донисполкома // *Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Фонд документов*.
7. *Ильин Н.* Реализация партийно-государственной политики по отношению к кулачеству Северо-Западного региона Тверской области // *Удомельская старина. Краеведческий альманах*. 2003. № 30. Январь.
8. *Уголовный кодекс РСФСР*. В редакции 1926 года. Издание официальное. М., 1927. Ч. 1. Ст. 20-д. Ст. 31-а. Ст. 32. Ч. 2. Ст. 23, 32, 34. Ч. 3. Ст. 34.
9. *Итоги выборов* в Советы РСФСР в 1927 г. М., 1927. Вып. 1. С. 21.
10. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М., 2001.
11. *Тимофеева Л.С., Федорова Н.А.* Советская избирательная система при переходе к НЭП // *История государственности Республики Татарстан и современность*. Казань, 2000. С. 43-53.
12. *Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах*. М., 2001.

Статья поступила в редакцию 11.04.2011.